

Сборник рассказов

;

Сергей Казакевич

По следам
барона

Сергей Казакевич
По следам барона

«Издательские решения»

Казакевич С.

По следам барона / С. Казакевич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741790-1

Любовь и эротика, счастливые моменты детства и рассказ-мультик, игры со
Временем и вероятность появления на свет каждого из нас. А также отрывок
из приключенческого научно-фантастического романа «Барон ВВВ» и
несколько историй из жизни прототипа главного героя. Скучать некогда!

ISBN 978-5-44-741790-1

© Казакевич С.
© Издательские решения

Содержание

Мой додж	6
Граничные условия	8
Утро первого января	11
Колыбельная	13
Чик (почти мультик)	18
Отрывок из романа «Барон ВВВ»	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

По следам барона

Сергей Казакевич

© Сергей Казакевич, 2018

ISBN 978-5-4474-1790-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мой дождь

Какое лето!

А сейчас как раз тот момент, что нужен. Капельки выстукивают по стеклу, по железу. Убаюкивают.

Почему человек за тысячелетия привык к нескольким умиротворяющим звукам и образам?

Такой вот дождь десять тысяч лет назад подсказывал – пора завернуться в шкуру. Дубина рядом. Мамонты подождут. Спокойно попьют воды из ручья косули. Дикие кабаны почувствуют, что сегодня им никто не угрожает, и продолжат, похрюкивая, вертеться на спине в тёплой жиже.

Если выглянуть из окна, то я увижу внизу броуновское движение разноцветных восьмиугольников, – зонтов, хаотично меняющих своё недолгое движение в одном направлении на другое, сопровождаемое, возможно, вспышкой гнева обладателя столь нужного предмета. Зонты бьются, совершают движения вверх-вниз. Если отвлечься от сути происходящего, если просто следить за цветовой быстро меняющейся картинкой, то это начинает завораживать.

Напоминает другое явление, заставляющее забыть о времени, которое приводит к появлению морщин, и прочих... блин! Я отвлеклась.

Ведь кончился дождь, протухали запасы мяса. Оставались сморщенные корешки. Мужчины, закрыв подходящим куском ДСП вход в пещеру, отправлялись на охоту. Потом, бывало, мамонта приволокут, выдадут женщине, а одну лапу на всякий случай закинут на карниз в дальнем углу жилища. Заначка. Там вода капает, прохлада. Холодильник.

Да, вернусь к сути. Разделают мамонта, разожгут костёр. Жадно удовлетворяем инстинкт и веселимся до утра. Что? Вот вина не было! Сидим, когда устанем, у костра, и смотрим, смотрим, пока сон не сморит. Вчера Ою уступила. Сегодня Ую. Это уже давно длится. От кого будет ребёнок?

От мужиков пахнет. Приходится Оя и Уя водить на ручей. Сама моюсь, их мою. Я их люблю... ой!!! новое слово придумала. Хорошо, они не понимают его значения. Ведь общаемся на уровне:

- Ба...
- Бу...
- Бы...

Да, и ещё. После удовольствия от мытья и «сопутствующих» процедур мы лежим в изумрудной траве, глядя в небо. Или на неровности на поверхности ручья, местами выделяющиеся бурлением зовущей, манящей к новому греху прозрачной воды. Сейчас можно подумать, сравнить любимых. Уй грубый, но хорош... в охоте. Ой цветочек вчера подарил. Цветочек завял, но Ой улыбается и гладит меня, даже когда я не готова сказать ему: «Бу!» Они мне оба нравятся. И у меня будет малыш. Это важно. От кого – неважно. До разборок десять тысяч лет.

– Малыш, я поставил кофе.

Это муж неожиданно обнимает меня сзади.

– Сколько раз говорить! Не стой за спиной!

Вот он, ещё один образ из прошлого! Не стой за спиной!

Миллиарды клеток серого вещества работают уже столь быстро, что женщина из пещеры отдыхает... Ну, в смысле, её молекулы никуда не делись. Просто её уже нет.

– Эй, милый, – подняв руки, обнимаю шею прижавшегося сзади любимого, – мне к кофе надо ещё кое-что...

– Всё, что хочешь, дорогая.

– Капли дождя...

– Так...

– Я хочу смотреть на огонь.

– Дальше.

– И... мне нужна вода. Чтобы по ней плыли листья. Они так радуют глаз!

...Дождь всё ещё капал. Барабанил по окну, по навесу беседки на даче. Полчаса назад я смотрела на проплывающие мимо по реке сучья и пустые пластиковые бутылки. Стемнело. Мы уже в доме. Не могу отвести глаз от проёма печки, где бьётся оранжевое сердце. Печку сложил мой Эй.

Такой нежный и безрассудный...

Он обеспечивает моё будущее.

Вдруг он меня озадачивает нелепым вопросом:

– Почему додж?

– Что – додж? – не понимаю я.

– Ты рассказ назвала «Мой додж». У тебя нет доджа.

Дурашка. Сколько раз говорила – не стой за спиной. Печатаю быстро. Дождь – додж...
Туда-сюда...

Граничные условия

С широко распахнутыми глазами и победной улыбкой я шагала по городу. Навстречу новой взрослой жизни. Меня взяли на работу!

Да, знакома с отделом кадров. И начальником отдела. И взяли! Так и должно быть.

А что там за мальчики-девочки?

Пришла, как дура, раньше всех, стою у запертой двери. Подходит какой-то клерк, или кто он тут. Глянул на меня. Стал открывать дверь отдела. Ага, свой!

– Здравствуйте, – говорю. И представляюсь: – Анна!

– Ну... – Это он в ответ.

Странный товарищ. Здравуюсь, называю свое имя, а в ответ... Ботаник хренов.

...День прошел классно. Шеф сам ввел в курс дела. С девчонками бегали курить, раз пять пили чай. Я не курю, но надо быть в курсе. Мне рассказали про всех ребят, про себя, про население из других отделов. Ребята есть симпатичные, есть с мохнатыми лапами.

На следующий день я пришла минут на десять позже начала работы, и все равно первая из девчонок. Поздоровалась с мужчинами. Вежливые приветствия в ответ.

Решила сразу выйти в туалетную комнату и столкнулась в дверях с ботаником.

– Здравствуйте, – говорю. И внимательно смотрю на Кирилла.

– Ну.

Мы немного стоим, пару секунд, напротив друг друга и расходимся.

По пути в туалет у меня начинает болеть голова. Что за чёрт? Куда убежали мысли? Почему голова пустая?

Через пару часов, сидя за компьютером, неожиданно выдаю:

– У, ё!

Тут же прихожу в себя и осторожно оглядываюсь по сторонам. Большинство с любопытством смотрит в мою сторону.

– Придумала, – играю на публику и втыкаюсь в монитор.

А в голове... В голове...

Этот уверенный, изучающий взгляд. Не ботанический. Взгляд мужчины.

А девчонки им не интересуются, но и не подтрунивают. Просто не видят. А он так вроде и ничего. Но мог бы и поздороваться нормально!

Ещё через полчаса я о нём забываю.

– Ну, – услышав за спиной это слово, я невольно вздрагиваю. – Ну, как дела? Помощь требуется?

Шеф. Фу-у, слава Богу.

– Спасибо. Всё понятно. Завтра сделаю.

– Уже завтра?

– А чего тянуть?

Я улыбаюсь.

– Хорошо, – шеф тоже улыбается, касается ладонью моего плеча и отходит.

Прошло три дня. Уже вечер, темнеет. После славного трудового дня сажусь в автобус. Буду выходить – вообще темно станет. До дома по дворам топать. А вот и моя остановка. Открывается дверь. Я примеряюсь к ступенькам вниз, шпильки друзья. Коварные. Падать не хочется.

– Прощу! – протянутая ко мне рука заканчивается Кириллом.

Я автоматически хватаю его руку и, только выйдя из автобуса, начинаю удивляться. И тому, что он стоит тут, на моей остановке, и что умеет говорить.

– Что ты сказал? – спрашиваю.

– Ну, – начинает он, а я, распахнув глаза, смеюсь. Он меня не раздражает.

– Понимаешь, моя тематика – граничные условия.

Я слушаю внятную речь и продолжаю вглядываться.

– Ты была в автобусе, а я снаружи. Это один из частных случаев граничных условий.

– Граничные условия двух сред, – стараюсь показать свои знания и делаю шаг в направлении, нужном мне. Он идёт рядом.

– Ну, – продолжает он, – двух сред. А можно и по пятницам!

И мы смеёмся.

До дома минут пять. Но если постараться, – полчаса. Мы идём, непринуждённо общаясь. Он иногда поворачивается ко мне. Я же свернула голову влево, шлёпаю по лужам, вглядываюсь в его профиль в темноте.

Интересный, с юмором.

У подъезда берёт мою руку в свою. Я перестаю щебетать:

– Всё! Граничные условия!

Осторожно возвращаю себе руку. Направляюсь к подъезду. И оглядываюсь у двери.

– И что? – спрашивает он с вызовом, но не грубо, нет. С надеждой.

– Как что? Ты же у нас специалист по граничным условиям!

Открываю дверь.

– Ну! – слышу, вбегая по ступенькам к лифту. Доводчик закрывает границу на замок, дверь мягко стучит по железной коробке.

«Что с ним, целоваться сразу, что ли? С первого раза нельзя», – вертится в голове.

Следующий день начинается с разочарования. Не вижу Кирилла.

Да что он мне?!!

Работаю, выбегаю с девчонками. Спросить прямо стесняюсь. Зайдёт случайно разговор – другое дело. После обеда в курилке кто-то вскользь бросает: «так Кирюха в командировке на неделю».

На неделю!

Бли-и-ин...

Вечером слоняюсь по морозящему сумрачному городу. Взгляд выхватывает афишу. Цирк – это чересчур, но иду. Надо отвлечься.

Выходные, затем ещё несколько дурацких дней. Вечерами – выставки, кинотеатры. Представляю, что с ним хожу.

Противная болезнь! Вот пристала...

В пятницу перерождаюсь. В самом деле, что он мне? Дел нет, что ли? Сопли распустила.

Приосанившись, гордо выхожу на улицу. На работе он так и не появился, да мне-то что?

Приеду домой, что-нибудь важное сделаю. Вон дел сколько!

Стою на остановке, жду свой автобус, дела придумываю.

– Аня!

Я вздрагиваю. Рядом стоит Кирилл. В руке баул.

– Аня! Я только что с рейса. Вон – такси взял. Думал, не успею, уедешь. Поедем, вещи заброшу, потом тебя провожу.

Я стою, молчу. Корпусом слева направо совершаю медленные повороты. Да ещё то на носки приподнимусь, то шпильками в асфальт упрусь, опять приподнимусь.

– У меня дел важных невпроворот, – говорю, опуская глаза.

– Так вместе провернём!

Он хватает меня за руку, и вот я уже в такси.

Мгновение – я у него дома. От кофе разве откажешься? Мотнула согласно головой, согласилась зайти.

А к кофе коньяк. Шоколад, сыр. Поставил мясо с брокколи в горшочках в духовку. Стрекочет, не умолкая. Уши ловят что-то про звёзды, их кратность, цветовую температуру.

– Ну, – завожусь, – ну... чёрные дыры? Затягивают? Ну же!

Да он и не останавливается, шпарит, будто у меня за спиной на стене телесуфлёр висит.

Мясо под звезды!

Мясо! Под! Звёзды!

Фантастика!

Это не они дыры, а я – дура!

Обнаруживаю себя в гостиной на диване.

Сидим, разглядываем фотки. Мама, папа, сестра. «А это мы все вместе в Крыму. Мне пять лет». А я опять свернула голову влево, на него смотрю, у самой глаза с поволо-окой...

И обнаруживаю, что его губы уже в сантиметре от моих... И касаются моих губ... Голова работает как банкомат, только вместо купюр неохотно выдаёт по одной мысли. По-очереди.

«...В эту ночь решили самураи перейти границу у реки...»

«...Наш котёнок тоже сначала боялся пылесоса, а потом ничего, втянулся...»

«...С первого раза нельзя, а со второго...»

«...Я же его совсем не знаю...»

«Дура! Целую неделю болталась с ним по выставкам, – и не знаю?»

...Калейдоскоп мыслей незаметно перерастает в бурю чувств и эмоций...

...Блузку на плечики не повесила...

Выскакивают три семерки:

«По пятницам можно!»

...Я просыпаюсь и чувствую, что улыбаюсь. Это его рука коснулась под одеялом моей.

Суббота.

К чёрту границы и условия!

Утро первого января

Светает. Утро первого января.

Можно продолжить сон, но... не спится.

Светает. Наверное, одиннадцатый час.

– Спишь? Я же знаю, не спишь.

Нахожу её губы своими. Она, нехотя ещё, отзывается.

Я закрываю глаза. Так, знаю, лучше.

Тысячи глаз послушно, согласно заложенной в них Природой программе, тут же начинают работать на ладонях и кончиках пальцев, мягко сканируя самый совершенный в мире материал.

Пальцы рассматривают фактуру и цвет, причудливые рисунки, созданные, как пазлы, из крохотных треугольничков, квадратиков, фигурок более сложных форм. Кажется, именно пальцы улавливают нюансы запахов кожи, слышат её дыхание.

Вот этот волнующий изгиб, ведущий в горку. Пальчики нежно устремляются вверх, и... я получаю сигнал обратной связи. Её ножка обдаёт жаром, прижимаясь к моей. Ещё тысячи глаз подключаются к слаженной и сладкой работе, теперь на ногах, животе...

...Пальчики добираются до пика. Мы празднуем промежуточный финиш, особенно вдохновенно заглатывая крючок.

– А-а, – отрываюсь я, наконец, от этих манящих губ и припадаю к одному из пиков, – скажите, а такие же... но только перламутровые... у вас есть?

Ответа нет, да он и не нужен.

Мы сливаемся, оба тела представляют собой миллионы веб-камер, тактильных датчиков, улавливателей ароматов, сканеров едва заметных движений. Удивительно, как волшебным всё это работает...

Подул довольно сильный ветер, волны стали бить в борта нашего скромного судёнышка. Удар в левый борт, удар в правый. Лодку кружит и кидает, стихия несёт нас в неведомом направлении.

Первый раз, что ли? Мы ничего не боимся.

Как будет угодно стихии. Нам с ней по пути.

А миллионы глаз на двух телах вылезают из орбит от счастья и неожиданного падения с волны в пропасть. Так мы ещё не плавали!

Гроза! Шторм! Трещат паруса, трещит нахрен лодка, но она выдержала столько походов!

Нас прибывает, наконец, к берегу небольшого однокомнатного островка. Золотой песок под ногами. Украшенная игрушками пальма. Догорает костёр, напоминая о вчерашней курице, фаршированной черносливом.

Она садится на свой борт и начинает натягивать майку.

– Зачем? – спрашиваю. И натыкаюсь на удивленный взгляд. – Майку зачем? Мы одни на этом острове.

И не даю ей ничего ответить:

– Первое января. Ещё хочу бонусов!

Она смеётся и убегает куда-то за пальму, прихватывая сумочку. Зачем ей тут сумочка?

Возится несколько минут. Выходит. Слава Богу, без майки.

Наливает в кокосовые пиалы шампанское...

Включает солнце...

Поворачивается...

Ё-моё!

Грациозно плывёт по жёлтому паркету. Улыбка отвлекает, но главное вижу чуть ниже.

Они перламутровые!

Что же такое эти удивительные существа прячут в своих маленьких сумочках, что любое волшебство для них не проблема!

А эти две перламутровые пимпочки приближаются, подпрыгивая в такт походке.

Она садится на постель рядом и протягивает бокал:

– Бонусы, как просил.

И волосы, и пимпочки нависают надо мной. Целует.

– Ой, колешь своей щетиной мой пушок.

Смеётся и делает глоток.

– Неправильно, – поправляю её, – надо говорить «колешь своей щетиной, запятая, мой Пушок». Пушок – с большой буквы. Поняла?

– Ещё бонусов хочется? – не перестаёт смеяться.

– Ну, я же котяра мартовский! Почему бы и не Пушок?

Провожу пальчиком между... пимпочек.

– Выключи свет, а? Так хорошо, когда ёлка – пальма, пол – песочек, кровать – лодка.

Она послушно выключает свет в комнате. Пока идёт обратно, успеваю выглянуть в окно. Как здорово, что вчера, буквально за три часа до Нового года, начали падать крупные хлопья снега! Всё-таки был Новый год! И какое волшебство сейчас на улице... Мокрые чёрные ветви заботливо укрыты белыми жирными полосами снега.

Я вздрагиваю. Она суёт руку под одеяло и задаёт ей траекторию от моей груди в сторону живота.

Выгибаюсь, как кот, от удовольствия, и вытягиваю хвост...

Колыбельная

Серёжа открыл глаза. Эх, сейчас, наверное, придёт мама, начнёт собирать его в садик. «Не хочу в садик!»

Он отвернулся к стене, на которой висел ковёр. Пара молодых оленей стояла возле ручья, желая, видимо, утолить жажду. Олени настороженно всматривались в склон, поросший кустарником и небольшими деревьями.

Интересно, попьют они когда-нибудь, или так и будут пугливо озираться...

Серёжа вдруг перевернулся на другой бок, резко усевшись на краю кровати. Какой садик? Бабушка в отпуске! Он же целый месяц будет сидеть дома! Ур-ра!

Сонливость исчезла. Он быстро оделся и вышел из комнаты, намереваясь пройти через кухню к лестнице, ведущей на первый этаж. В огороде есть хорошее местечко, где можно быстро набрать червей. Серёжа только папе показал однажды это место, больше никому, никогда и ни за что! Кому надо, пусть сами ищут!

– Стой! – бабушка, возившаяся возле плиты, схватила его за руку. – Каша готова.

...Кошка проводила его до калитки, держа хвост трубой. Тёрлась о ноги, мягко урча. Потому что в руке у Серёжи была удочка, в этой же ладошке он держал ведёрко, на дне которого перекатывалась баночка с червями и землёй.

Пройдя вдоль поликлиники, он свернул направо, к речке.

– Жили у бабуси три весёлых гуся, – затанул он негромко, останавливаясь иногда, чтобы рассмотреть что-нибудь интересное на дороге. Только на дороге можно найти что-нибудь заслуживающее внимание. Больше нигде! Нет, ну, иногда глаза-то надо поднимать. А то пропустишь дупло, в которое надо заглянуть и, если ничего не увидишь в темноте, засунуть руку в надежде нащупать нужную вещицу.

– Один серый, другой белый... три весёлых гуся... Один серый... другой белый... три весёлых гуся...

Он хотел продолжить песню, но дорогу ему преградил какой-то дядя. Дядя сидел на корточках, рассматривая пацанёнка с оттопыренными ушами. Шорты с сандаликами дополняли картину. Сам дядя был одет в тёмные брюки и белую в полосочку рубашку.

– Три гуся? – спросил он.

Серёжа молчал, разглядывая незнакомца. Тот снова заговорил:

– Один серый – раз, другой белый – два... А третий?

После недолгого молчания Серёжа ответил:

– Вы нискакой. Мне мама не разрешает разговаривать с чужими дядями.

– Какой я? – удивился дядя. – Нискакой?

– Да. Мама так и говорит: иди, гуляй и нискакими дядями не разговаривай. Вы – нискакой!

Дядя громко рассмеялся, Серёжа тоже улыбнулся.

– Я – нискакой?

Посмеявшись, дядя стёр тыльной стороной руки слезинку с краешка глаза и заметил:

– Вообще-то я хороший. Мне просто интересно, какой там у тебя третий гусь.

– Да, я вижу, Вы – хороший.

Серёжа зашагал в сторону реки, рассуждая. Дяде пришлось встать и идти рядом.

– Один серый. – Серёжа посмотрел на дядю. Тот кивнул.

– Другой – белый.

Дядя опять кивнул и спросил:

– А про третьего что скажешь?

Серёжа вздохнул, удивляясь такой непонятливости.

– Три весёлых гуся, понимаете? Понимаете?
– А! – дядя покрутил перед собой ладонью, повертел головой, что-то прикидывая. –
Получается, третий тоже был весёлый?
– Да!!
Серёжа едва оглянулся, заставляя незнакомца поспешать за собой.
– Ну, хорошо, – дядя не отставал. – Ты загадки любишь?
– Люблю.
– Вот слушай. А и Б сидели на трубе. А упала, Б пропала. Что осталось на трубе?
Серёжа молчал, недовольно поглядывая на дядю. Тот решил повторить:
– А и Б сидели...
– Да что Вы заладили сто раз, – Серёжа не хотел обижать незнакомого дядю, но решил передразнить его, – А и Бэ, А и Бэ...
– Ты же сказал, любишь загадки.
– Загадки – люблю. – Серёжа почесал нос. – Разгадывать не люблю.
Он покосился на дядю.
– Там осталась «И», – добавил.
– Вот!
Дядя замахал руками, ему понравился ответ мальчишки.
– Эта буква «И» – такая же лживая, как твой третий гусь.
– Мой гусь честный! – выдал сразу же Серёжа. – А Ваша буква... Ваша буква...
Он не нашёлся, что сказать. Поэтому честно отвечивал:
– Я пошёл. Мне сегодня ещё рыбу ловить.
Мужчина понял, что пора откланяться.
Противоположный берег утопал в кустах. На этой стороне железобетонные плиты круто уходили прямо в воду. Но настоящему рыбаку это не помеха.
...Пять плотвичек да пара ёршиков. Вот и весь улов. А удовольствия сколько. А-а?..
Мама, пришедшая после работы, заставила Серёжу переодеться в другие шортики и рубашку. Что им, взрослым, нужно? Только бы командовать!
Серёжа с бабушкой и с мамой должен был идти в магазин на той стороне, за рекой. Ему туда нравилось ходить. Магазин был классный! Баржа, тихо покачивающаяся на воде. К барже ведут мостки. Они немного ходят под ногами, гуляют, поскрипывают, от этого и жутковато становится, и озорно.
– Серёжик, – услышал он мамин голос, – вот гольфики, давай быстреей.
Бе-е... Какой дурак придумал гольфы?
Мама шла чуть впереди, разговаривая с бабушкой. Серёжину руку она крепко держала в своей. Иногда оглядывалась.
Серёжа любовался в эти моменты мамой, её улыбкой, движениями плеч. Копна светлых волос. Он знал, что там какой-то шиньон, иногда он видел эти волосы отдельно от мамы.
И всё равно. Она такая красивая!
Перешли мост. Спустились к барже. С замиранием сердца прошёл он по сходням, останавливаясь, когда они шевелились.
Несколько отделов на первом этаже, несколько – на втором. Внизу интереснее. Особенно в отделе с конфетами и пряниками.
– Мам, я тут постою.
– Хорошо, – её голос был строгим. – Мы с бабушкой пойдём наверх. Жди тут. И никуда. Понял?
– Да понял я!
Серёжа отвернулся к витрине, рассматривая фантики на конфетах и просто кусочки колотого шоколада неправильной формы рассыпью.

«Сейчас будут выбирать себе рубашечки да юбки, а я тут стой... Фантики красивые. Придут, попрошу купить вот эти. И зефир. Не, не купит... Диатез! Диатез!»

Он представил себе, как мама будет кривить лицо, произнося это слово.

Серёжа подошёл к окну. Отсюда за рекой была видна набережная, по которой они шли до моста, а немного под углом – и сам мост. По мосту иногда проходили легковушки, дребезжащие грузовики. Очень редко – автобусы. В них летом очень жарко. А зимой печки греют так, что на улицу потом выходить не хочется. Папа сказал, имя этому чуду – ЛАЗ. Серёжа стал считать автобусы. Со счётом у него проблем не было. Один, два, три... Стало интереснее. Он даже к конфетам не отходил, чтобы не сбиться со счёта. Шесть, семь... А если в другую сторону под углом посмотреть, то вон там он сегодня рыбу ловил. Десять, одиннадцать... Пятнадцать... Сейчас бабушка с мамой придут с сумками в руках. Девятнадцать. Вот автобус едет... как его... двенадцать? Где мама?

Он прошёл по всем отделам на втором этаже. Где мама с бабушкой? Спустился вниз. Надо спросить. Двенадцать?

Прошёл отделы с колбасой, хлебом, посмотрел опять на конфеты. «Почему они без меня ушли?» Осторожно по мосткам сошёл на землю. Дорогу домой он знал. Перейти обратно мост. Затем по набережной...

– Нагулялся?

Папа подхватил Серёжу на руки. Дома, кроме папы, никого не было.

– Мы с мамой и бабушкой ходили в «Поплавок».

– Сейчас придут?

Серёжа молчал. Улыбка сошла с папиного лица.

– Они идут?

Серёжа пожал плечами, не поднимая головы. Буркнул:

– Я их искал, искал в магазине...

Когда мама ругалась, было очень страшно. Он не плакал. И даже обрадовался, оказавшись в углу. Громкие возгласы сместились в другую комнату. Он вздохнул. Рядом было открытое окно. Прислушиваясь, не идёт ли кто, можно было лечь животом на подоконник и плевать вниз, на широкий железный скат над окнами первого этажа. Железо давно не красили, оно было ржавое, но слюни на нём смотрелись очень живописно. Надо было попасть в предыдущую слюну, тогда, если солнце уже ушло за крышу, слюни копились и не сохли. Постепенно они набирали критическую массу, начиная медленно сползать по рыжей железяке, гремевшей обычно во время дождя. Так, слюна потекла... Задача в том, чтобы докатилась до края и начала капать вниз.

На дороге за калиткой заскрипели тормоза. Напротив дома остановился грузовик. «Может, к нам», – подумал Серёжа. Но выскочивший из кабины дяденька с досадой открыл капот и, ругнувшись, полез ручищами внутрь неведомого зверя.

«Какой наглый...»

Серёжа, не сводя глаз с шофёра, слез с подоконника, шаря рукой по столику, установленном между двух окон. Там он нащупал рогатку из толстой проволоки. Резинку к рогатке приходилось вытаскивать из поясной резинки от трусов, иногда из колготок. Квадратные не подходили, быстро рвались. Лучше всего годились «венгерки», круглые в сечении.

Взяв рогатку, он натянул резинку, целясь в незваного гостя. «Сейчас мы тебя...»

Отпущенная упругая форма довольно дзенькнула. Серёжа улыбнулся. Теперь надо нащупать там же, на столике, заранее подготовленные из проволоки пульки.

«Держись, дяденька...»

На этот раз резинка с грузом коротко свистнула, когда Серёжа отпустил её. Серёжа спрятался за стену, осторожно выглянул. Дядя продолжал ковыряться в моторе. Промазал! Ну-ка... а ещё раз!

Пульки улетали одна за другой, однако дядя упорно продолжал свою работу. Вот теперь Серёжа по-настоящему расстроился.

«Снаряды» закончились. Слюни на ржавом скате высохли. Он встал в угол и заплакал.

За столом сидели молча. Бабушка поворчала сразу, когда пришла. Мама выплеснула весь свой гнев, похоже, тогда же. Молчал папа, подмигнув сыну один раз. Наверное, у него было своё мнение по поводу случившегося. А у Серёжи и после ужина кошки скребли на душе. Мама с бабушкой не разговаривали с ним. Папа трепал по волосам и улыбался. Настроение всё равно было скверное.

Серёжа не стал дожидаться, пока ему укажут на кровать. Сложив покрывало, лёг, повернувшись к оленям. Его друзья всё ещё высматривали опасность в кустах, не успев попить воды. По щеке опять поползла слеза.

...В прошлом году поздней осенью они вечерами сидели перед телевизором, следя за соревнованиями олимпийцев в Мехико. Больше всего разговоров тогда было про американца Боба Бимона, прыгнувшего дальше всех. И ещё запомнилось, как не хотелось после трансляций лезть в постельку, настолько она была холодная. Мама грела простыню утюгом, Серёжа быстро ложился. Обняв сына, мама пела колыбельную. Затем, думая, что сын уснул, уходила, а он не один раз вылезал из тёплого уютного гнёздышка, надеясь разглядеть за окном того самого цыплёнка из колыбельной. Его ждали разочарование и холодная постель.

И всё-таки настоящий цыплёнок существовал! Серёжа видел его, закрыв глаза, пока мама пела. Это в том году...

Сейчас он проснулся оттого, что чья-то тёплая рука коснулась волос. И тут же услышал родной голос, в тысячный раз начавший петь его любимую песню. Мамин голос дрожал, а по щеке её медленно сползала слезинка. Не успев ни о чём подумать, он быстро прильнул к её груди. Мама не допела, прижав его к себе.

– Спой ещё, – глухо попросил Серёжа.

– Когда зимний вечер уснёт тихим сном,
Сосульками ветер звенит за окном,
Луна потихоньку из снега встаёт
И жёлтым цыплёнком по небу плывёт.¹

«Жёлтый цыплёнок... по небу... пл... плы...»

Пришедший следующим вечером дядя Валера, мамин брат, спросил:

– Ты помнишь, куда мы сегодня идём?

– А как же! – запрыгал Серёжа. – Воздушного гуся запускать!

– Сам ты гусь! – папа и дядя Валера засмеялись. – Воздушного змея!

Они втроём вышли на улицу.

– Дядя Валера! А помните Боба Бимона? Вы с папой в том году все уши прожужжали мне про него.

– Кто ж его теперь не помнит!? – воскликнул дядя Валера.

А папа добавил:

– Его рекорд теперь тысячу лет никто не улучшит.

Серёжа хитро посмотрел на папу, перевёл взгляд на дядю Валеру.

– А вы можете мне показать, на сколько метров он прыгнул?

Мужчины посмотрели куда-то вперёд.

– Вот как отсюда... – начал папа.

– ...и до колонки, – закончил дядя Валера.

¹ «Зимняя сказка», Сергей Крылов (1962г.)

– Не-ет! Так не пойдёт! – капризно заявил Серёжа. – Поднимайте меня за руки!

Он протянул одну руку дяде Валере, другую – папе.

– Поднимайте! – скомандовал. – Поднимайте же!

До них дошло. Двум молодым мужчинам не составило труда поднять Серёжу за руки, и вот он уже полетел над землёй!

Колонка осталась позади.

– Дальше! – крикнул пацан. – Я лечу-ууу!

Они несли Серёжу ещё больше сотни метров, возбуждённые его смехом и криками. Остановились только у городского окольного вала, упав в траву.

– Серёжик, – папа задыхался, – мы сейчас... этого Бимона... америкашку... уделали. Теперь твой рекорд никто не переплюнет.

– Советский рекорд! – авторитетно заявил дядя Валера.

...Воздушный змей радостно трепыхался над валом. «Жаль, – подумал Серёжа, – у людей нет столько сил, как у этого змея». И, словно в подтверждение его слов, папа грустно произнёс:

– Пора домой. Завтра на работу.

Пока мужчины подтягивали змея, Серёжа запел себе под нос:

– Три танкиста, три весёлых гуся, экипаж машины боевой...

Они сбежали с вала и пошли к дому.

– Я ж тебе говорил, – взял его за руку папа, – не «гуся», а «друга». Три весёлых друга.

– А я так по радио слышал! – возразил сын.

– Три танкиста, три весёлых... – запел дядя.

– ...три весёлых... – подхватил Серёжа.

– ...гуся! – пропели неожиданно все трое, рассмеявшись. Они шли по дороге и задорно пели про трёх танкистов-гусей. Они пели про гусей, входя в калитку, и пели про гусей, поднимаясь по лестнице на второй этаж.

Кто-то завтра шёл на работу. У кого-то было самое счастливое время в жизни.

Чик (почти мультик)

– Дядя Лох, Вы запросто болтали с этим псом, а я стоял, и не знал, что бы такого вставить, желая поддержать разговор.

– Ну, что ж. Придётся тебя обучить некоторым правилам собачьего этикета. Правило первое гласит: если не знаешь, что говорить, говори, что знаешь. И тогда общая тема обязательно найдётся. Понятно?

– В-вроде...

– Дядя Лох, мы чуть не влипли из-за меня, да?

– Чик, ты слишком много треплешься с незнакомыми. Эта стая могла порвать нас в три секунды. Хорошо, не февраль... У тебя – что на уме, то и на языке.

– А как же первое правило? Я не знал, что им говорить, поэтому сказал то, что знаю.

– А для этого, малыш, существует второе правило: если не знаешь, что говорить, молчи.

– А как же первое?

– Первое подходит для светской беседы. Здесь же была реальная угроза нашей жизни.

– Чик, что там?

– Косточкой пахнет!

– Бежим дальше. Запахнет мясом – скажи.

– Слушай, Чик. Может, тебя лучше Чок звать?

– Почему?

– Ну, во-первых, ты когда-нибудь вырастешь, и называть тебя Чиком станет как-то несолидно, что ли. Другое дело – Чок. Тем более, ты малость чокнутый.

– Не-ет, я хочу – Чик! Вот мой папашка, например, такой же маленький толстенький коричневый обрубок. Ему очень подошло бы имя Чик, несмотря на то, что он взрослый.

– Ну, хорошо, пусть будет Чик. Я ведь могу считать тебя чиканутым.

– Лох, а почему тебя назвали Лох? Тоже несолидно как-то.

– Легко парирую твою иронию в свой адрес. Моё полное имя – Лохматень. Просто хозяин сократил. Не орать же на весь двор: «Лохматень, ко мне!»

– А бывало так, что твой хозяин крикнет на весь двор: «Лох, ко мне!», – а кроме тебя подбегут ещё несколько человек?

– О-о! Общение со мной идёт тебе на пользу. Ты начинаешь острить.

– Так на чём мы остановились? Чик или Чок?

– Да-а, Лох... Понимаешь... Чик – это звучит гордо.

– Хм... Где-то я уже слышал это...

– Лох! А что это за медаль у тебя? С выставки?

– Если бы! Это меня поместили так.

– Как это? Насколько я понимаю, пометить можно, задрав заднюю лапу. Причём тут медаль?

– Да не медаль это. Это – мой личный номер. Чтобы, если поймают, не перевели на мыло, а нашли по базе данных хозяина. Это моя прописка.

– А-а... про эту... про писку я знаю.

– Тьфу! Я тебе не про писку, а про прописку. Мой личный номер даёт мне право жить в квартире у хозяина.

– Лох! У меня ведь тоже был хозяин. Может, он не успел сделать мне прописку?

– Твой хозяин дал тебе под писку, и теперь ты бегаешь вместе со мной. Запомни, малыш: мы с тобой равны и свободны, а это важнее всего на свете.

– Важнее личного номера?

– Плевал я на этот номер. Хоть он и спасает нас иногда. При облавах не трогают. Но...

– Что «но»? ... что «но»?

– Носящий его на шее всегда должен быть готов к тому, чтобы вернуться в рабство.

– А неносящий?

– А неносящий... Слушай, Чик, не забивай голову всякой ерундой.

– Мою голову?

– Свою – как хочешь. Мою не забивай.

– Чик, а помнишь нашу встречу? Я ведь чуть не наложил от испуга в тот момент у двери своей квартиры!

– Правда? И ты молчал?

– Ну, сам прикинь. Я замечаю, что дверь открыта, бесшумно выскальзываю на лестничную площадку, трясаясь от страха, что хозяин заметит... И тут в меня попадаешь ты, посланный пинком под зад умелой ногой.

– Лох, а воздух-то ты испортил тогда жутко. Я почему, думаешь, сиганул следом за тобой по лестнице?

– Эх, Чик... Дружище... Всё лето уже вместе... Вот скажи, ты оценил свободу?

– Я дорожу нашей дружбой.

– Да я не о том...

– Лох, ценить свободу – это как? Объясни мне ты, бывший когда-то несвободным. С чем мне сравнивать мою жизнь?

– О-о! Да ты ещё и философом становишься. Общение со мной явно развивает тебя.

– Чик, холодно уже. Вчера снег шёл... Я вот думаю податься к хозяину. Не зверь же, накормит, а там, глядишь, и приголубит. Ты-то как? Может, к своим попробуешь?

– Лох, я не пропаду. Улица – моё всё. А ты давай, двигай. Тебя примут.

– Чик, ты настоящий друг. Не зря я тебя столько времени жизни учил.

– Давай, Лох, за меня не беспокойся.

– Чик!!! Чик!!! Я встретил тебя! Мой маленький крепенький товарищ... А у моих – новая длинноногая пассия. Догиня... Чик, я уже месяц ищу тебя по нашим местам...

– Не плачь. Я сказал, не плачь, Лох!

– Ты не один?

– Этого щенка хотели утопить. Думаю, назову его Бэк... Пошли, малыш.

– Дядя Чик, кто это был?

– Да так... лох один.

Отрывок из романа «Барон ВВВ»

Я толкнул дверь и шагнул в неизвестность.

Тот самый ухоженный парк. Всё та же широкая мощёная аллея, освещённая свечными фонарями, проходила вдоль парадной лестницы, ведущей к входу во дворец. На обочине десятки экипажей – дорогие кареты, различающиеся элементами отделки, цветовой гаммой и применёнными при изготовлении материалами, включая золотые изящные накладки и драгоценные камни.

Часы над главным входом ударили первый раз. Двери резко распахнулись, чуть не сбив лакеев, готовых открыть их в любую секунду. По лестнице неловко, припадая на одну ногу, засемила Золушка, потерявшая во дворце одну из туфелек.

На этот раз я встал у обочины между двух карет, чтобы броситься к Золушке, когда она приблизится к месту падения.

Часы продолжали бить.

Мне удалось точно рассчитать момент, и я уже рванул к милой девушке, желая спасти её от нелепой случайности, когда, гаденько хихикая, стоявший рядом кучер сделал мне подсечку.

«Что же они сценарий-то не подправили? – успела возмутиться в черепушке досада. – Не успею...»

Мы с ней упали одновременно, голова к голове. Рассматривая меня, Золушка не торопилась вставать. На её нос страшно было смотреть. Как и в прошлый раз, он загнулся вбок, по щеке пугающе тянулись кровавые ссадины. Вскочив, я подал ей руку, помогая подняться. Она, похоже, испытала сильный шок, благодарилась за помощь и с ужасом ощупывала своё повседневное платье с фартучком. Часы молчали, а неподалёку от нас можно было рассмотреть оранжевую грудку мякоти с разбросанными по мостовой жёлтыми корками.

Выбежавший на дорогу принц растерянно вертелся, пытаясь обнаружить у тех или иных ворот выезжающую карету.

– Милые люди, – обратился он, наконец, к нам, – позвольте узнать, вы не видели...

Он осёкся, заметив на ножке девушки хрустальную туфельку. Золушка опустила голову, надеясь, что принц в темноте не разглядит её лица.

Подбежал, крихтя, король.

– Улетела птичка? – полюбопытствовал он.

Принц не ответил.

– Позвольте, – он шагнул к девушке. – Милая девушка, можно Вас попросить поднять личико к свету?

Плечи Золушки дрогнули, она закрыла лицо руками.

– Папа! – юноша улыбнулся. – Посмотри на её ножку. Это Золушка. Ведь это Вы, скажите нам? Это Вы?

Он осторожно отвёл руки девушки от лица и испуганно вскрикнул:

– Что с Вами? Вы ударились? Вы упали?

– Сынок! – раздался скрипучий голос короля. – Ты бы лучше Золушку искал, чем разговаривать с деревенской девчонкой. Посмотри на её лохмотья!

По щеке Золушки поползла слеза.

– Нет, папа, это она.

Принц взял Золушку за руку и попросил сесть на ступеньку.

– Примерьте, – он протянул ей вторую туфельку, подобранную им во дворце. – Пожалуйста.

Скатилась вторая слезинка. Золушка обула туфельку.

– Ты возьмёшь в жёны эту кривоносную нищенку?

Вокруг столпились гости, а язвительный вопрос задала мачеха Золушки.

«Раневская!» – обомлел я. Сама Раневская!

Принц не дал мне времени на обдумывание этой короткой, но столь притягательной мысли. Он упал на мостовую, ударившись лицом о булыжник.

Золушка вскрикнула.

– Папа! – юноша поднял голову. – Посмотри, у нас с Золушкой одинаково свёрнуты носы?

Король пригляделся по очереди к обоим носам.

– Не-ет, – заскрипел он, – у Золушки поболее будет.

Принц снова ударил лицом о мостовую.

– А так?

Король повертел головой, сравнивая.

– Да, так, пожалуй, лучше.

Вскочив на ноги, принц громко возвестил:

– Бал окончен! Но! Приглашаю всех наверх. Начинается свадьба!

Из толпы вынырнул придворный фотограф. Он расставил всех на фоне дворца и щёлкнул затвором. Затем сделал снимок только молодых со свёрнутыми на бок носами. Фотографию 9 на 12 метров вывесили в огромном зале ещё до того, как гости вернулись во дворец.

Раневская после съёмок успела подскочить к падчерице, чтобы схватить Золушку за нос и возвестить на весь парк:

– Кривоносная принцесса! В тряпье на свадьбу! The Best! Завтра весь глянец будет твой! Дёрнуть невесту за нос поторопились и дочери мачехи.

– Не плачь, Золушка, – утешал её принц, пряча мобильник в карман, – платье уже печатают на принтере и, пока мы поднимаемся, будет готово.

Вслед за гостями они зашагали вверх по лестнице.

– Подождите, – шепнула Золушка, оборачиваясь ко мне. – Извините, я не знаю, как Вас звать, но я очень благодарна Вам за оказанную помощь.

– Вовчик, – откликнулся я, отвесив поклон и махнув шляпой.

– Я хочу, чтобы Вы были нашим свидетелем.

Она вопросительно посмотрела на принца.

– Конечно, Вовчик! – обратился принц ко мне. – Прошу Вас, поднимайтесь с нами. Для нас большая честь – Ваше присутствие на свадьбе в качестве свидетеля.

Отказать, наверное, было нельзя, да и не хотелось. Когда ещё побываешь в такой компании!

Король в это время отдавал рядом приказ бравому капралу.

– Ты знаешь, где живёт Золушка, – скрипел он.

Служивый отозвался:

– Так точно!

– Так вот, хватай сапоги-скороходы, и срочно доставь сюда отца девушки.

Король поднимался рядом со мной, хитро поглядывая, и без пауз болтал. Я так и не понял, со мной он разговаривал, или реализовывал свой старческий маразм.

– Теперь хочешь – не хочешь, пластического хирурга заводить надо. Носы поправим молодым, да и вообще... женщина теперь в доме. Без хирурга никак. Услуги продавать можно, той же мачехе, да дочкам её. Всё в казну доход. Надо идти в ногу со временем. Сотового оператора ещё одного оформить, а то конкуренции маловато. Понравилось драть с нас, как в соседнем королевстве. Горячая вода подорожала... Этих пока трогать не буду. Объективные, понимаешь, обстоятельства. Рынок энергоносителей лихорадит.

Мы уже вошли внутрь дворца и, прислушиваясь к словам «собеседника», я всё же поглядывал вокруг: вдруг какое дизайнерское решение пригодится дома?

– ...Яблочное в этом году – пропасть, не знаю, куда девать. Соседи не берут, у самих та же история. И вина уже наделали, и уксуса. Повидла с вареньем, компотов. Повидлом горки смазываем, дети на санках катаются. Снега в последние годы почти не бывает, говорят, ента... экология нарушена. Коровы пукают, где-то на небе озоновый слой портят. Э-эх! Приходится коровам к спине детские надувные матрасы привязывать, газы собирать. Теперь у всех газовые плиты на кухне. А зима?! Если б во всех королевствах правили путёвые мужики, так и зима, глядишь, вернулась бы. А то уже пальмы кое-где сажать начали... Вино будешь моё?

За бормотаньем я пропустил эту фразу-то. Он водил меня по дворцу, да и спустился вниз, к погребам. Всё-таки он со мной разговаривал.

– Яблочное не предлагаю, ты ж его пил? – скрипнул он. – А жаль, девать некуда.

– Кто ж его не... – я не успел закончить фразу. Король сунул мне стакан, другой быстро осушил сам.

Пополоскав во рту небольшое количество напитка, я нашёл его букет превосходным.

– Это один из сорока огромных погребов, – сказал король, – ты пей, пей. Его хоть сколько можно выпить. Цветочное вино, девяносто шесть градусов.

Я поперхнулся.

– Да, девяносто шесть. А не скажешь, правда? Пьётся, как сок. Из цветков горынычехвостки огневиной.

Голова сразу поплыла, пришлось поставить стакан под краник бочки. Король схватил меня за рукав, ведя за собой вглубь погреба.

– Этого вина ты точно нигде не попробуешь, – пытался заверить он меня.

– Свадьба же! – напомнил я.

– Ах... – он сделал удивлённые глаза и тут же засмеялся.

Крепко сжав мою ладонь, отчего стало больно, потащил меня назад. На всякий случай я прихватил оставленный стакан с собой.

Огромный зал шумел. Гости, ведя светские беседы на диванах вдали от праздничного стола, терпеливо ожидали короля и выхода молодых. Стол ломился от яств, оркестр тихонько репетировал.

– Успели! – король обрадовался и стал обходить гостей, бросив меня у входа.

Встав у колонны, я продолжал наслаждаться цветочным вином. «Невозможно пить спирт, как сок, – думал я. – Король выпил целый стакан, но этого совершенно не заметно. Градусов одиннадцать, не больше».

Оглушительно объявили появление принца и невесты, что заставило зал встать. Гром аплодисментов долго не стихал. Я успел заметить отца Золушки, он скромно стоял, прислонившись к соседней колонне.

Конечно, церемония, тосты, танцы – это было для меня насколько новым, настолько и захватывающим. Король с оркестром достигли небывалых высот, развлекая гостей. Но внимание присутствующих всецело захватила невеста в изумительном, естественно, золотом платье. Она добилась, чтобы рядом с ней кроме короля и принца сидел отец. Впрочем, недалеко оказались и мачеха с дочерьми, у них было на это право. Как свидетелю, мне также довелось оказаться в этой компании, сидевшей под исторической фотографией.

Половина выпитого стакана потихоньку начала делать своё дело. Приходилось удивляться неуёмной энергии короля.

Мачеха своими дерзкими выпадами задевала не только Золушку, её отца и короля, под острый язычок попадал и я. Это было непонятно, нас не связывало знакомство. Чем-то я ей не понравился.

Она сразу начала эпатировать публику.

– Ваш свидетель закрывает глаза, когда кушает! К чему бы это?

Пришлось отвлечься от печёных яблок, фаршированных чёрной икрой, чтобы дать достойный ответ этой выскочке.

– А Вы, милейшая, когда-нибудь наблюдали за животными, принимающими пищу? Например, за кошкой, лакающей молочко? У неё глазки-то закрыты. Сама природа подсказывает нам, что этот интимный процесс не должен сопровождаться болтовнёй. Надо чувствовать вкус еды!

– Надо попробовать! – хохотнул король.

Закрыв глаза, он отпил глоток цветочного вина. Затем нащупал на столе печёное яблоко, фаршированное яблочным повидлом, куснул его. Зал с любопытством следил за происходящим. Король выдохнул из себя восхищённое – «О-о-о!» Гости загалдели.

– Я тоже хочу с закрытыми...

– И я попробую!

– И я!

Только три мымры сидели, гордо выпрямив спины и широко распахнув глаза.

– Кот, зубами в рот! – ехидно навесила на меня ярлык мачеха Золушки, а её дочери показали мне свои облепленные икрой языки.

Затем молодые вальсировали. После танца к ним присоединились другие пары, оркестр заиграл рок-н-ролл, сменившийся вскоре ламбадой. Народ отрывался по-полной.

Я встал у выхода на огромную террасу, пробуя местные папиросы с сушёными мухоморами и сухофруктами. В этот момент показалось, что я знаю место на Земле, где построено идеальное общество.

Ко мне неожиданно присоединилась мачеха, она курила трубку с такой же гадостью.

– Мужчина, сколько Вам лет? – нескромно меня разглядывая, спросила актриса, которую сценаристы одели в зелёное атласное платье.

– Тридцать четыре.

Удаляясь, Фаина Георгиевна бросила, оставив меня в облаке дыма болотного цвета:

– А по лицу можно и больше дать.

– Не, по лицу лучше не надо, – пробормотал я.

Персональный королевский дирижёр объявил белый танец. Ко мне бежала раскрасневшаяся Золушка, и в голове от испуга завертели варианты причин, почему я должен ей отказать. Но она просто прошила меня повеселевшими хмельными глазами:

– Я на террасу. Отдышаться.

– Я составлю Вам компанию.

Она согласно кивнула.

Оставляя за собой густой зелёный шлейф, словно дымовая шапка, падал за массивные мраморные перила мой окуроч, мы вдвоём провожали его взглядами. На самом деле я незаметно скосил глаза в сторону Золушки, чтобы полюбоваться её профилем. Оказалось, она, как игривая школьница, сделала то же самое. Мы рассмеялись.

– А что принц? – притворно воскликнул я. – Он будет ревновать!

– Принц объелся груш! – смеялась она. – В данном случае, яблок. Его пригласила на танец дочка мачехи.

Я взял её руки в свои. В этих прекрасных глазах напротив столько лучистого тепла...

– Янина...

– Что? Что Вы сказали?

Она не знала, что она Янина. Надо сменить тему.

– Вы необычная девушка, – Золушка смущённо улыбалась, но руки не убирала. – У нас таких уже нет.

Мимо дверей в танце проплыл принц с Анной, не родной сестрой Золушки.

– У вас – это где?

– Да, в одной стране, – уклонился я от ответа.

– Страна, – она произнесла это немного печально. – Какое редкое слово. Наверное, это очень далеко. У нас вокруг одни королевства. Расскажите же, какие у вас там девушки? У Вас есть девушка?

На последний вопрос решительно не хотелось отвечать.

– У нас нет девушек с такими маленькими ножками.

Золушка возразила:

– Это я такая нестандартная! А у моих сестриц ноги как ноги.

– Наши девушки не хотят работать по дому...

Ещё немного, и она снисходительно погладила бы меня по головке.

– Так и наши не работают. Вон, сестрицы мои. Это я одна такая.

Золушка вздохнула. Посмотрим, что она дальше скажет.

– Наши девушки меряются своими спонсорами, весь день пропадают на шопингах или макияжах.

Глаза напротив округлились. Я продолжал:

– А некоторые мужчины, из-за того, что девушки испортились, создают семью с другим женщиной.

Неожиданно она рассмеялась.

– Да Вы меня дурачите! А чем там у вас девушки-то меряются?

– Спонсорами. Это мужчины, в карман к которым они засовывают руку. А высовывают только тогда, когда деньги кончаются.

– И идут на работу?

– Увы... Ищут другой карман с деньгами.

Золушка приуныла.

– Все девушки такие?

– Таких жутко много. А ещё они не хотят заводить детей. Обуза, говорят.

Её глаза раскрылись от ужаса.

– Вовчик, Вы нехорошо шутите.

– К сожалению, это не шутка. Некоторые собирают вокруг себя нескольких мальчиков, заставляют их целый день стучать по клавишам и рассматривать циферки. Эти девушки делают деньги из воздуха.

– Ну, такие-то и у нас есть. Ставят подмостки на большой площади, нажимают на клавиши клавесинов, разыгрывают спектакли. А люди, целая толпа, слушают. Звуки-то по воздуху до них долетают. А обратно по воздуху летят монеты. Ловко Вы придумали! Деньги из воздуха...

По залу снова пронёсся принц, на этот раз с другой сестрой, Марьяной.

– Немного похоже, – согласился я, – только у нас клавиши стоят в разных королевствах, а соединяют их провода. И никто не слышит их музыки. А денежки капаят.

– Какой Вы смешной! Разве могут деньги капать?

Она положила голову мне на грудь, затем резко вскинула её вверх. Так близко наши глаза ещё не встречались. Но она их закрыла. Значит, когда целуются, тоже закрывают глаза. Желанные губы медленно поплыли навстречу... увеличиваясь в размерах, приобретая фосфоресцирующий фиолетовый цвет. Кажется, моя голова сейчас окажется у неё во рту. Чёрт!

Это дурацкое цветочное вино, эта чёртова папироса. Если бы я не перемахнул через перила... Проломив ветки попавшихся на пути кустов, я покатился от дворца по наклонному газону, пока не смог встать, наконец, на ноги.

– Вовчик!

Крик Золушки заставил меня обернуться. На фоне светлеющего предзакатного неба собирались люди, среди которых выделялась та, самая необыкновенная...

С террасы неслоь:

– Встаньте, дети, встаньте в круг...

Пришлось на бегу бороться с приступами тошноты и болью в ноге. Ковыляя, напугав пару экипажей, отшатнувшись от лошади, предложившей услуги ветеринара, я нашупал в кармане поляризатор.

Прости, Золушка.

Шатаюсь, взобрался по лестнице и уже в своей комнате рухнул на пол, не в силах добраться до кровати. Очень быстро, в течение нескольких секунд, прояснилось сознание.

...Володя сидел в полутёмной лаборатории возле одного из компьютеров.

– Протрезвел? – спросил он, улыбаясь.

– Да, в момент. И нога не болит. И ладони целые.

– Хорошо, хорошо, – он потирал руки. – А что женщину-то не поцеловал?

– Тебя бы стала засасывать такая воронка, тоже подумал бы. Тоже мне, фантазёры-галлюцинаторы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.